

НИ ЗАПАД, НИ ВОСТОК: РОССИЯ ЛИЦОМ К ГЛОБАЛЬНОМУ МИРУ (СТАРЫЙ СПОР В НОВЫХ КАТЕГОРИЯХ)

Виктор Сергеевич Мартьянов,
кандидат политических наук,
ученый секретарь
Института философии и права
Уральского отделения РАН

Если рассматривать историю дискретно (в противовес историцизму), Россия с первой половины 19 века, когда оформился конфликт западников и славянофилов, до начала 21 века пережила несколько глобальных культурных разрывов. Сегодня страна находится в совершенно иной исторической эпистеме. Поэтому ретроспективно установленная преемственность проблематики западников и славянофилов является в настоящее время ложной парадигмой. Терминология западников и славянофилов, некритически используемая сегодня, несет исторический шлейф смыслов, который вовлекает спорящие стороны совсем в иную, уже «почившую в Бозе» логику спора, отвлекая от политических реалий складывающегося на наших глазах постиндустриального общества. Суть исторического спора сводилась к проблеме модернизации страны, приятию или отторжению Россией середины 19 века капитализма, а также соответствующей этики: быть ей целерациональной утилитарной этикой капитализма и прогресса, нацеленных на эффективность, логику прибыли и выгоду, либо оставаться православной эквивалентной «этикой дара», характерной для традиционных обществ. Та же проблема, но в другой формулировке: что важнее — экономика капитализма, формирующая логику и ценности западного (=универсального) типа культуры, либо национальная культура, которой нужно (или вовсе не нужно) жертвовать в угоду логике экономического развития. Сегодня спор в действительности сместился несколько в иную плоскость. Речь уже не идет о том, быть или не быть капитализму, поскольку Россия де-факто

включена в него, но о том, каким капитализму быть в пространстве национальной российской культуры. Иными словами, не что такое капитализм, но при каких условиях он максимально эффективно смог бы работать в России. А эффективность здесь зависит от гармонии с ценностями и культурой, то есть «надстройкой» над экономическим базисом: менять культуру под экономику, либо приспосабливать экономику к культуре.

Рациональная либеральная культура «Modernity», выражающая дух капиталистического прогресса, претендует на универсальность своих экономических законов в глобальном масштабе. Тем не менее, остается неясным — сможет ли экономическая культура капитала и рациональные ценности либерализма, как более «совершенные» в соответствии с концептом «прогресса», полностью вытеснить уникальные уклады жизни различных мировых цивилизаций. С другой стороны, капитализм, тождественный в экономике либерализму, в Европе с 18 века, в России с 19-го, а в мировом масштабе с 20 века занимает доминирующее положение, зачастую прекрасно сочетаясь с любыми не-западными культурами. Но если следовать подобной логике, то реальных противоречий у западничества и славянофильства нет. Противоречия инспирируются либо двусмысленностью исторической терминологии сегодня, либо применением данного антагонизма в прикладных целях, когда оппоненту приписываются негативные коннотации, связанные с одним из данных течений.

В целом же, напрашивается вывод о том, что западничество и славянофильство сегодня представляют не самостоятельные течения, но разные языки описания политической действительности, а потому не могут соперничать за гегемонию на одно и то же «означаемое». Речь скорее должна идти о популярном в современной физике принципе дополнительности в описании сложных исследовательских объектов. Очевидно, что западничество сильнее в экономической картине общества, славянофилы — в создании картины культурной. Кроме того, ценностное расхождение культур незаметно, когда речь идет об универсальной экономической политике, диктующей всеобщую логику эффективности в своей сфере. Однако общество несводимо только лишь к измерению своего экономического базиса, оно имеет культуру, концентрирующую пространство субъективных ценностей, не сводимых к объективному измерению дохода, территории, средств производства, численности населения и т.д. Таковы, например, язык, история, вера, оформляющие уникальную матрицу ценностей и смыслов данного общества, которая формирует культурные коды, существующие до, помимо и сверх всеобщего языка либеральной экономики. Именно на уровне культуры образуется простран-

ство ценностного разрыва, «черные дыры» языка, культурные лакуны, которые никогда не поддавались адекватной расшифровке с помощью рационально структурированного языка. Именно здесь возникает проблема невыразимости аутентичного культурного содержания инокультурной терминологией. На универсальном языке выразимо лишь общее, то есть тождество культурного опыта. Различия, составляющие основу неповторимости символов культурных матриц, поддаются выражению, лишь следуя своим внутренним правилам игры и аутентичной внутренней логике смыслов. Кроме того, субъективизм, критика и идеология в политических понятиях неустраиваемы, так как они детерминированы не только сущим, но и должным той политической практики и культуры, в рамках которой они были выработаны. В отрыве от собственной культурной реальности они могут мутировать из категориальных понятий в идеологические штампы с подвижным смыслом, отражающим интерес интерпретатора.

Сейчас поле смыслов спора классических западников и славянофилов настолько размыто, что без предварительного определения их содержательного наполнения они не поднимаются выше идеологии. Эти идеинные концепты подчиняются власти дискурсов, интересы которых они призваны отстаивать. Содержание начинает приписываться самой логикой спора. Здесь ключевые понятия, формирующие структуру проблемы, превращаются в носителей идеологических коннотаций, превращаясь в мифологемы. Типичный пример — причисление к славянофилам государственников, националистов¹, коллективистов, монархистов, а к западникам, соответственно, рыночников, либералов, индивидуалистов и т.д. Подобные абстрактные понятия черпают свою легитимность в некоем общем согласии, молчаливой отсылке к консенсусу относительно их интерпретации. Однако при ближайшем рассмотрении, оказывается, что можно быть и западником-националистом и почвенником-индивидуалистом и т.д., в зависимости от ситуации, сферы, контекста и т.п. Таким образом, очевидные теоретические членения, с которых начинается спор западников и славянофилов, сами по себе попадают под вопрос, либо попросту оказываются нерелевантными.

С другой стороны, отсутствие реальных противоречий между приведенными выше оппозициями, когда мы обращаем внимание с теорий на практику, ведет к исчезновению самого предмета спора. Иными словами, деление на западников и славянофилов применительно к современности дает весьма смутное представление о проблемах и противоречиях, для выражения которых оно за неимением лучшего используется. Кажется, что, наконец-то, на смену искусственным идеологиям пришли «естественные» (подлинные в смысле «идентичности») теоретические разбивки. Но позже оказываются, что воскрешение этих споров связано, прежде всего, с дискредитацией модернистских идеологий и утопий, оказавшихся нерелевантными при переходе к пост-

индустриальному обществу. «Кому это выгодно?» В условиях системного кризиса и революционных общественных трансформаций — видимо всем, ведь чем выше уровень обобщения, тем дальше мы уходим от нормальных идеологий, которые не способны объяснить новую политическую реальность общества, на уровень спасительной политической мифологии.

На наш взгляд, проблема состоит не в том, кто прав, а кто ошибается. Такова логика идеологии. Интуиция подсказывает, что радикальная реализация любого из обозначенных проектов одинаково пагубна. Важна скорее правильная пропорция заимствований и собственных культурных интенций, традиций и реформ, которая могла бы создать жизнеспособные всходы. Типичный тому пример — Япония и азиатские «тигры». В условиях глобализации невозможно закрыться железным занавесом (что сразу отбрасывает страну на маргинальную обочину мира), так же, как и ориентироваться на Запад, как на идеал типичную цивилизацию, поскольку логика «догнать и перегнать», способна превратить Россию в лучшем случае лишь в «Запад второй свежести», вечно отстающий и идеологически зависимый от Запада как точки отсчета.

В своих работах Ж.Деррида показывает, что схематичное дуальное мышление, выстраивающее бинарные оппозиции ущербно, поскольку, один из членов оппозиции будет неизменно находиться в привилегированном (нормативном), а другой в притесняемом положении, в зависимости от точки отсчета. Логика спора соблазняет установить одну из теорий в качестве нормативной, должной. В качестве примера бинарная логика вещей западников и славянофилов может быть представлена в следующей таблице:

В связи с этим, качественным критерием поли-

западники	славянофилы
Индивидуум	Соборная личность
Мозаичная культура	Университетская культура
Ветхий Завет	Евангелие
Предопределенность спасения, личные заслуги, избранные и изгой	Спасение «всем миром»
Классовое общество (цель социальных институтов — воспроизводство расового богатства)	Народ
Эффективная конкуренция (специализация, дифференциация)	Эффективная солидарность (кооперация)
Гражданское общество (договорное)	Органическое общество (концепт единого тела народа)
Модель общества есть рынок	Модель общества есть семья
Легитимность власти: договор (обман)	Легитимность власти: верность имени
Индивидуализм	Хелизм
Парламент	Собор

тических теорий (всегда балансирующих на грани сущего и должного), определяющим их научную релевантность, является способность методологии адекватно работать на различном культурном материале, не выстраивая иерархий ценностных оппозиций. При этом любая культурная матрица будет иметь собственную логосферу корневых символов, смыслов и ценностей, ключ к которым спрятан в ее собственных глубинах. Пока же можно лишь констатировать, что западничество, связанное с либеральным рационально-индивидуалистическим стилем мышления ориентировано на способы функционирования универсальных экономических и политических ценностей, отсюда стремле-

ние найти и внедрить всеобщие коды различных культур. Славянофильство же представляет рефлективную реакцию традиции на подчинение всей культуры «иным» ценностям, что обнаруживает в логике различий «мы-они» границы собственной культурной идентичности. Консервативная славянофильская волна, безусловно, является здоровой реакцией современной российской культуры на попытку подчинения ее «самости» иным политико-экономическим ценностям, которые, претендуя на всеобщность, в силу этого имеют дело только с внешней стороной вещей.

В современной исторической эпистеме спор западников и почвенников являет собой частный случай противостояния «панлогистов», констатирующих всемирно-исторический, универсальный характер законов прогресса человечества и определяющих Запад как авангард этого процесса, опережающий на шаг-два остальные культуры, и «органицистов», утверждающих, что культурный потенциал той или иной нации способен эффективно функционировать только при ориентации политической системы на ценности адекватные и соразмерные данной культурной матрице. Сегодня актуальный пример такого спора представляет объективная глобализация политики и экономики, приветствуемая панлогистами, и опровергающая ее культурная (этническая, языковая, религиозная) фрагментация и регионализация мира на цивилизации, между которыми, по мысли С.Хантингтона, культурные различия и полагаемые ими границы будут сильнее политико-экономических выгод.

Сегодня в области политических идей вместо национально-государственных западников и славянофилов сталкиваются глобальные западники и антиглобалисты. По мнению последних, климатические, культурные, географические отличия национальных экономик обуславливают невозможность глобального слияния на нормативных истинах демократии, свободы и капитала. Если глобализм реализует «генетические ценности» «универсального» неолиберального экономического порядка, то антиглобалисты указывают на его особенность, явное противоречие этическим, историческим, национальным, экономическим принципам укладов не-западных экономик, где устранение особенностей этих укладов, фактически, означает кризис основанных на них экономик и политик.

Соответственно субъективная «правота» глобалистов/антиглобалистов относительно позитивных/негативных эффектов глобализации зависит сегодня от того, на ком — «первый», «второй», «третий» политические миры или же, в иной терминологии: центр, полупериферия, периферия — иллюстрируются издержки/выгоды глобализации. Нетрудно заметить, что экономическая глобализация формирует мировое разделение Труда и Капитала, где страны Капитала получают сверхприбыль за счет организации людской и сырьевой эксплуатации слабых стран Труда/Сырья, не входящих в «ядро глобализационных процессов». Более того, «свободная конкуренция» стран «второго» и «третьего» мира между собой за потоки глобальных инвестиций истощает эти страны, лишает ресурсов для национально ориентированного развития. Глобализация отвергает эквивалентный экономический обмен. Любой обмен между субъектом и объектом глобализа-

ции носит ассиметричный, властный характер, связанный с изъятием прибавочной стоимости у тех, кто ее произвел.

В настоящее время логика российских западников представляет собой апологетику глобализации. Здесь российская национальная политика подвергается полной имманентизации, иными словами, детерминируется только материальным (посюсторонним), в логике привилегии экономической референции общества. Как следствие, российская политика характеризуется исчерпанием фундаментальных идей, отсылавших к морали, откровению, провидению, мистике, судьбе, добру и злу. Соответственно, славянофилам не остается ничего другого как превратиться в антиглобалистов. Необходимость мыслить о судьбе России в глобальном плане влечет поиск ответов на вопрос: «Возможны ли альтернативы неолиберальной (неэквивалентной) модели глобализации, наблюдаемой сегодня?»

По мнению антиглобалистов глобализация осуществляется через разрыв человека культурно-исторической традицией нации. Только устранив или ограничив в ходе социализации (семья, школа, университет) «приращение к традиции», можно нейтрализовать нацию-государство как ключевой уровень политической идентификации и основного политического субъекта. Оправдание глобализации связано с историцизмом как подчинением фатальным, объективным законам истории, экономики, рынка, прогресса, независимым от человека. Глобализации сопутствует дегуманизация, поскольку исключению из культур всего особенного и традиционного препятствует именно субъективный человеческий фактор.

Сегодня альтернативы глобальному западничеству связываются в основном с маргиналами как общества: анархисты, экологи, антиглобалисты, различного рода меньшинства, так и странами-маргиналами, которых эксплуатирует «глобальный мировой капитал», и которые (в марксистской логике) должны будут ответить на эксплуатацию созданием «глобального интернационала угнетенных», в составе всего «третьего» и бывшего «второго» мира. В свое время эта идея реванша Маргиналов, выдвинутая Г.Маркузе, соотносилась с левыми идеями. Ее спорность состоит в том, что маргиналы как люди, выкинутые из системы, вовсе не превращаются автоматически в анти-системную силу. Скорее система, в случае возникновения реальной угрозы со стороны «маргиналов», пойдет на увеличение издержек их содержания. То есть, приручит, адаптирует и нейтрализует эти разрозненные группы, скорее, чем те смогут (и смогут ли), составить ей действительную альтернативу.

По мнению российских антиглобалистов, реального политического субъекта, который мог бы противостоять «золотому миллиарду» как субъекту глобализации, после краха СССР и соцлагеря — не существует. Россия как отдельное государство способна защитить себя лишь с помощью автаркии, позитивные результаты которой весьма спорны. В настоящий момент альтернатива ассиметричной глобализации связана лишь с трансформацией самого Запада, как субъекта глобализационных процессов, демобилизацией его политической воли в результате исчерпания пределов роста (сырьевых, технологических) или природных катаклизмов. Сегодня глобальная оппозиция контролируется и

не катастрофична. Главная угроза глобализации связана с возрастанием и реваншем всего того, что было ею подавлено и вытеснено как «проклятая сторона вещей», не-норма. Возможно, «проклятая сторона» кристаллизуется в идеях, связанных с религиозной эсхатологией, хилиастичностью, надвигающимися глобальными экологическими угрозами. В любом случае, глобализму, связанному с универсальностью экономического кода и методологическим индивидуализмом, способен противостоять только политический тотализм, связанный с методологическим холизмом. В перспективе эти идеи будут левыми, так как правые

либерально-консервативные идеологии ориентированы на сохранение статус кво и связаны национальными границами, препятствующими их переносу на глобальное политическое сообщество.

¹ Национализм в отличие от патриотизма нагружен негативными смысловыми коннотациями, поэтому практически никогда не используется для самореференции, но лишь для характеристики других.

С.И. Орехов У.Н. Решетнева

ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ИСТОКИ И СОДЕРЖАНИЕ ГЕОПОЛИТИКИ КИТАЯ, или КИТАЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Сергей
Иванович
Орехов,
доктор
философских
наук
кафедра
философии
Омского
государственного
педагогического
университета

Ульяна
Николаевна
Решетнева,
ст. преподаватель
кафедра
иностраных
языков
второй
специальности,
Омского
государственного
педагогического
университета

Китай — это страна, которая обладает не только самой большой численностью населения, но и богатейшей культурой, древнейшей государственностью. Еще в глубокой древности сложился жизненный уклад, сохранившийся во многом до настоящего времени. Современный Китай воспринимается как еще одна (становящаяся) сверхдержава, которая стремится занять

к середине XXI века доминирующие позиции в мировой экономике и политике, что правомерно предполагает обсуждение роли китайской цивилизации и, одновременно, порождает необходимость изучения и понимания культурных ценностей данного народа.

Одной из составляющих китайской культуры является (гео)политическая составляющая, особенности и предпосылки которой были сформулированы еще в древних религиозно-философских учениях, задавших традицию тесно переплетенного функционирования институтов и морально-религиозных императивов. Современные геополитические воззрения носят во многом интегративный характер, соединяя в себе особенности *традиционного и современного*.

Три направления традиционной китайской мысли — конфуцианство, даосизм и буддизм — это «три дороги к одной цели». Синкретичность этих учений образует высокую духовную устойчивость китайцев по отношению ко внешним воздействиям. Порядок вещей и традиционный уклад жизни, основанные на религии и философии прошлого — таковы основы китайского общества и государства. Культура прошлого дана как текст и через текст, которому можно дать различную содержательную (ре)интерпретацию: экономическую, социологическую, (гео)политическую, экологическую и др., то есть не просто включить это прошлое в настоящее, а обосновать современность, вписать ее в классическую традицию. Как гласит китайская идиома: «Наследие прошлого должно служить настоящему» (*Gu wei jin yong*).

В политическом мышлении любого древнего государства всегда были фрагменты геополитического мышления: Демокрит, Геродот, Страбон, Платон, Аристотель, Полибий, Марк Аврелий, и др., оставили после себя множество мыслей, содержание которых носит геополитический характер. Однако эти разрозненные мысли превратились в систематическую геополитическую теорию достаточно поздно: в конце XIX — начале XX веков, в период имперской активности европейских стран и создания глобальных империй. Контроль (экономический, военный, политический) над пространством является основным вопросом или основной про-